

ОГОНЕК

ДЕЛЕГАТКА. Фото-этиюд

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ
с. 14 стр. в настоящем номере.

ЗЕЛЕНЫЙ КУСТ

Рассказ Артема Веселого.

Распятие пенистым узором вечерние моря заглатывают солнце, подобное яблоку, налитому огнем, и по уграм, домая зори, солнце взлетает над дымчатыми морями, как козырной туз.

Страстями скручены города.

Древний камень прорастет властным железом, как мясо зверя прорастает костью. Города — сверкающие корабли, на которых человек выплывает к берегам, заваленным сказками и былью. Едина судьба городов.

Нагруженные звоном и холодом, грохотом и угаром, бегут года. Зимы топчет весна, и весну смывают ливни. В ветрах — птичий тропы, солнечная зыбь, звездный разлив. На просторах кувырятся и гоняются друг за другом сытые ветра. Кипельная пена южных морей ключьями залепляет глаза, и дремучие рыбы-бродяги режутся в зеленых морских пучинах.

Года бегут, как корабли, сорванные с золотых якорей. Солнцем выкованы их дороги, бесконечны пути, гавань их — вечность.

Андре никогда не думал о том, хорошо или плохо он живет. Все люди его масти жили так. Так жили раньше. Так будут жить еще долго. Старик Китя-Пук говаривал, что много думают только люди, которым легко достается кусок хлеба, и жизнь которых беззаботна и светла, как жизнь рыб.

Андре — кочегар. С малых лет он зарабатывает свой хлеб, и ему некогда думать о пустяках. Грудь, как колокол, жилистую шею и свисавшие ниже колен, вытянутые непосильной работой руки, — вот все, что он имеет.

Годы плавания чередовались с длительными голодовками. Шумные портовые кабаки менялись на кочегарки океанских пароходов.

Точно калифорнийское янтарное вино перебивались страны и города, а люди мелькали, как минутки. Торопливо уплывали окованные бирюзой, сверкающие зеленью материи. В широкой зыбке океана, словно малые детеныши, качались корабли.

Но Андре был кочегаром. Ему некогда глядеть по сторонам. Шестнадцать часов каждодневно он метался в аду кочегарки, в реве гигантских ветропонок. Два, а то и три десятка таких же прокопченных и задымленных парней локоть в локоть работали, задыхаясь в жаре, и отдыхали только в те короткие минуты, когда потрескавшиеся в кровь губы припадали к холодному крану. Дни их были тусклы, как свет угольных лампочек.

Наверху, на палубе молодой кочегар появлялся довольно редко: когда от большой жары терял сознание и падал. В таких случаях всегда подбегал разъяренный старшина. Его проклятия звывались, подобные самумам в пустыне, он грозился выгнать лентяя и дармоеда в первом же порту, хватал Андре в охапку, засовывал головой в чугунную кадку, которой выбрасывали шлак, давал продолжительный свистком сигнал и лебедка тащила наверх.

Полдюжины ведер воды, вылитой на черную кудрявую голову, приводили молодого кочегара в себя. Глаза слепило тропическое солнце и сияющее море. Грудь, ровно парус, вздымалась от сильного ветра.

— Сакраменто, дьяволу.

— Гевн, го.

— Але.

Старшина награждал негра парой пивков, и Андре покорно лез в кадку, гремела лебедка, бросая его обратно в брюхо кочегарки.

И в самую последнюю минуту он успевал глянуть на пассажиров, которые в сверкающих белозной одежде, под растянутыми тентами, качались в тростниковых крес-

лах, или холодные, цветные воды и звезды смехом и рюмками.

И в каких других случаях Андре не полагалось показываться наверху

В короткие часы отдыха, улетаая бобовый суп, одобренный машинным маслом, молодой кочегар никогда не задумывался над тем, почему одни спят свои глаза и сердца у топок, а другие качаются в тростниковых креслах и звенят смехом и рюмками.

Ударить показавшегося на глаза чернокожего считали своим долгом все, начиная от первого помощника и кончая коком, любившим плескать кипятком на черные икры. Только где-нибудь в далеком углу корабля среди своих товарищей Андре чувствовал себя спокойно

Пустынны и глухи северные моря. Низко летят ширококрылые, льдистые ночи. Рыбачьи шхуны, кутаясь в туманы, как призраки, скользят в свинопых беспредельях. Уныло воет ветер в оснастке корабельной. Табунами бродят киты и китята. Гудки заблудившихся пароходов кричат глухо и простуженно. В серых льдах тоскует глаз, тоскует сердце в северных задумчивых морях.

А в жарких краях, подожженных солнцем, плаваются сыпучие вески, плаваются белые дворцы, и сверкающие горячие дни бегают, как цветные бусы по нитке.

Смутные океаны кутаются в шелке ветров. В корчах переплетаются экваториальное, индийское и атлантическое течения. На просторах корабли борются с бурями.

Немало Андре видел на своем недолгом веку. Годы странствований для него не прошли бесследно.

На перекрестках великих морских дорог он видел полуразвалившиеся города — старые гнезда пиратов. После удачных набегов юда свозились добыча со всего мира: оружие из индийской стали, венецианский мрамор, диаберикирские ткани, шкуры самых крупных персидских арсланов, пышные афганские ковры, старые китайские шелка, что распластавшиеся в воздухе не падали на землю. Но не это была главная добыча: в пиратские становища со всего мира свозились прекраснейшие женщины.

Пиратские города отцветают, осыпая мрамор дворцов; музыка угадала и песни их ветра разнесли по всем океанам. Рухнули старые крепостные стены, осаждаемые когда-то ревушими ордами. Глаза, сверкающие в битвах и в любовных играх, гордые головы и сердца, подобные боевым знаменам, и руки легко несущие в боях пудовые мечи — все истело, все засыпано песком и веками. Теперь на перекрестках великих морских дорог плачут бури, тоскливо кричат чайки, да на развалинах старых узких улиц реденько можно встретить сказочной красоты женщину, прямую пра-правнучку пиратского гнезда.

Пятнадцатилетним парнем увезли Андре из Южной Африки, из деревни Домереро-Гаино. Пять лет скитаний и бешеной борьбы за кусок хлеба не скрутили его мускулистую шею. Побывав в южных и северных портах, повидав людей и великие диковины, он успел кое-чему научиться, и теперь безболезненно смеялся, вспоминая маленькие хитрости Ака-Улу.

Моря кипят рыбой и гадами, южные города нежатся под солнцем, как спелые пряные фрукты. Южные города живут по почам. Бумажные, промасленные фонари качаются над дверями кабаков. На затертых цыновках, в блаженном созерцании красных драконов, добрые люди отдыхают от трудового дня. Сладок накур кальяна и гашиша. Глазастые ночи сини и просторны. Утробен стон портовой красавицы.

С бокалом цветного вина она провожала Андре до выхода:

— Прощай, красавчик. Попутные ветров тебе, богатой жизни и побольше диких бурь на твою курчавую голову. Я пью за блеск глаз твоих и за железную силу облатий твоих.

— Прощай, золотце.

Она залпом выпивала вино и кричала:

— Вернись, Андре, и поцелуй, прижми меня еще разочек...

Андре возвращался и ломал ее, пока среди сотен чужих гудков не узнавал своего гудка; тогда целовал красавицу в самый последний разочек, в самый распоследний разочек чокался с ней сердцем-о-сердце и, смеясь, убежал.

Томительные месяцы и годы дальнего плавания. Веселы и неумны короткие, пьяные радости, и часто гроши, заработанные каторжным трудом, спускались в какую-нибудь неделю в круг голоштаных приятелей.

Так жили все, так жил Андре.

... Караван катется лентой меж песчаных холмов. Навстречу желтым походом ползла пустыня. Мелкий серебристый песок поет под ногой, хрустит на зубах, засаривает глаза, и само солнце кажется загнанным и пылает оранжевым огнем.

Буря усиливается, вметая непроглядные тучи песку. Пара отставших верблюдов теряет направление, буря заворачивает их и со страшной силой гонит в недра пустыни. Скоро они скрываются из виду.

Головной погонщик рукояткой камчи легонько ударяет жока-верблюда по морде и протяжно кричит:

— Га-а-а... Га-а-а.

Жока останавливается. Останавливается весь караван.

Палатку господина, чтоб ее не сорвало, обкладывают тюками. Привязанные на ночь к железным кольям верблюды вытягивают, как гуси, шею — признак крайней усталости — начинают дремать.

Андре, вместе с другими погонщиками, пока не стемнело, рыскает кругом, собирая дикую колочку и аргал для костров. Ночь падает быстро, как меч.

В выветренных в песке ямах мечутся костры. Люди у огня сушат обувь, греются и жуют остатки черных, ржаных сухарей. Господин сам отвызывает от выюка последний мешок со льдом и, раздав всем по маленькому кусочку, уносит мешок с собой в палатку.

Всю ночь верблюды стонали. Пятки их давно были стертые и покрыты красноватыми, зловещими трещинами; спины их были сбиты выюками; черные проплешины парши обтягивали запавшие бока; под мышками висели мозоли по кулаку; и на коленные мозоли были огромны.

Пытаясь укрыться от ветра, люди, кутаясь в разноцветное тряпье, спали между верблюдами и тоже стонали во сне: уже много дней всех мучила жажда, от голодовки стали опухать ноги и болеть десны; позади осталось много недель пути, а конца его еще не предвиделось; где-то за многими тысячами песчаных хатом лежала цветущая, зеленая страна, куда пробирался господин, и наемные люди шли за ним, как завороченные.

Еще задолго до рассвета, головой погонщик Баба-Курбан-Нур-Али, не горюясь, встал со своей камышовой, плетеной особым способом подстилки и, отойдя от каравана под ветер стал молиться, глядясь в звезды. Полсотни лет он ходил по пустыне, никогда не глядя себе под ноги: не дороги, что неверны, как лукавые языки, а звезды выводили его на озера и колодцы, полные светлой води. Но Баба-Курбан-Нур-Али знал счастливые звездные дороги, когда водил за собой паломников, проби-

рающихся в священную Лхассу или обратно, когда верховодил караваном благочестивых купцов, а сейчас ехал белый господин, и сам шайтан путал его карты и компас.

Звезды молчали.

Едва старик-погонщик поднимал лицо свое к небу, как слеза заливала ему гноящиеся глаза, и поняв, что богу негодна молитва его, он встал и быстро пошел к каравану.

— Ааа-ахх. А-ахх,— в иступлении завизжал Баба-Курбан-Нур-Али и стал рвать бурундук и хлестать камчей вожака-верблюда. За короткую остановку верблюды не отдохнули: глаза их были печальны, а горбы висели, как пустые мешки. Вонючей слюной они стали плевать на погонщиков и во все сорок глоток подняли страшный рев, точно жалуюсь звездному небу. Подобные картины повторялись в последнюю неделю на каждом привале, и все к ним привыкли. Вожак, не выдержав града плетей, вскопил и яростно бросился на Баба-Курбан-Нур-Али. Старик не успел увернуться, и рука его, попав в мстучие челюсти, хрустнула, как тростинка.

Место головного погонщика занял Андре.

... Мелкий серебристый песок поет под ногой. Навстречу желтым походом двигалась пустыня, когда с холма Андре первый увидел озеро и крикнул:

— Вода.

По каравану покатилося:

— Вода-а...

Верблюды тоже поняли крик, потому что, напрягая последние силы, кинулись вперед. Первым добежал собаки, и первыми они сдохли, налоскавшись ядовитой воды. Озеро было замерзшее и только по обочинам была наледь.

— Назад,— крикнул белый господин, увидя сдохших собак; размахивая револьвером, он пытался остановить караван. Но было поздно.

Десять пушек и тысяча плетей не остановили бы верблюдов: со страшным ревом, ешибая друг друга, ломая лед, они кинулись в озеро и, падая на колени, припадали к влаге.

Верблюды не сдохли, они взбесились и зубы их стали крошиться, что грозило им неизбежной гибелью.

Дальше шли пешком, сами нагруженные, как верблюды.

... В зеленой, цветущей долине они увидели старый буддийский храм и небольшой огород за ним. После они узнали, что храм этот стоял когда-то на пути великих караванных дорог, по которым китайские и индусские купцы вели торговлю с Алтаем, Тибетом и со всей Сибирью. Потом богам было угодно напустить на дороги орды разбойников, а реки и озера высушить— караванная дорога заглохла, и вот уже проплыло с полсотни зим и с полсотни весен, как в храм не заезжала ни одна живая душа.

Все монахи и отшельники давно вымерли, остался один настоятель— черный от солнца и ветров, зеленобородый; творя молитву, он и вышел встречать путников, одев самый засаженный, шелковый халат, который служил прямыми верным доказательством тому, что храм некогда цвел, а настоятель его ел много жирного мяса и по обычаю вытирал руки о себя.

— О, храбрые богатыри и добрые люди далекого племени! Благодать божья на вас—благословлял настоятель и голос его шелестел, как течение песков.

Досыта напившись колодезной воды, все попадали от усталости и уснули.

Пока спали, старик-настоятель в большом чугунном котле наварил галушек из рисовой муки, потом принес целую шляпу живых золотистых ящериц и бросил их в кипящий котел. Каждая ящерица в су-

дороге обнимала по одной галушке, таким образом получилась живая начинка, кушанье было готово, и люди садились ужинать.

Сменилось много лун, а путешественники не имели возможности выбраться из этой долины, и настоятель каждый вечер и ночи напролет у костра рассказывал множество изумительных сказок про хун-гурезов (диких людей), что жили в потаенных местах пустыни; хун-гурезы были карлики, трехвершковый человек у них считался великаном, но, тем не менее, это были настоящие люди со своим бытом, привычками, законами; рассказывал старик о страшном звере сибире, которого боялись пантеры, рыси и даже тибетские ирбисы (леопарды); поведал старик и о нравах диких, редко где сохранившихся племен, об их обычаях сраливать мертвых орлам.

Рассказы старика были лучше песен, и никто из путешественников не тяготился своим вынужденным пленом.

Но вот, однажды...

...—вставай. Здесь спать не полагается,— и пара хороших пижков пробудили Андре: над ним, как привиденье ада, стоял полицейский.

Сон был оборван, как недоконченный поделуй, и Андре, заснувший в гавани на куче канатов, встал и пошел проч.

Вечерний гул утихающей работы замечает порт.

Взмахивая усталыми крыльями, возвращаются на покой рыбацьи лодки. В полных корзинках ворочаются еще неуснувшие рыбы. На горизонте потухшим гребешком качается падающее солнце. В гавани, ровно свечи, горят тысячи маяк. В частой ослепке мошками вьются корабельные фонари.

В подвальном кабачке „Звезда Востока“ пьяно и угарно, за мраморными столиками пировали дети ночных улиц и моряки.

Приглашенный в дальний угол, за один из столиков, Андре плагал пьяными слезами, рассказывал виденный сон и на скверном английском языке, переспанном морским жаргоном, рассказывал о своих неудачах: уже больше месяца он шляется без работы и никак не мог выбраться из этого проклятого Триеста.

Хозяин, саженный детина с разбойничьей рожой, командовал за своей стойкой, как капитан с мостика. Прислуга металась между столиками, едва успевая менять кружки.

На разных наречиях слышались крики. В потоках густого тяжелого говора серебряным ручьем звенела бойкая речь итальянцев; как доской по тихой воде, хлопала забористая ругань северян, которая была необходима им, будто жвачка.

Внимание всех было привлечено танцовавшей на столе рыжей красавицей Жозефиной, когда дверь с визгом распахнулась и во главе кучки отъявленных гуляк ввалился известный по старому и новому свету боксер Мак Рваное Ухо, только что возвратившийся из китобойного плавания в северных водах.

— Гау дуо ду—громко приветствовал он всех.

Всегдашние его партнеры по боксу Уильям Малм и Ники Хоглен раздвинули столы и стулья, очищая место для боя, но Мак решительным жестом остановил их:

— Ребята, сегодня я не хочу драться, сегодня пусть отдыхают мои кулаки, а я кое-что расскажу вам.

Хриплые, пропитые глотки приветствовали его заявление.

Мак, отмахиваясь от облепивших его красавиц, легко вспрыгнул на столик:

— Друзья, поднимите ваши отяжелевшие головы от кружек, они глубже и грознее океана. Откройте сведенные горем черные рты и слушайте! Только сегодня

утром наш транспорт *Император Индии* вернулся в порт. С самой весны мы плавали в русских водах. Вы все меня видите не в первый раз. Я плаваю двадцать лет, не правда ли, срок достаточный для разглядыванья всяких интересных вещей. Порты востока и запада я знаю лучше, чем содержание своих карманов.

Мак отхлебнул глоток вина и, резко махнув потрепанной в пылу драк шапкой, крикнул:

— Клянусь, все это маленькие пустяки перед тем, что я видел в красной Руссе. Там китайцы, персы, азиаты работают вместе с русскими; там наш брат-черный ходит по тротуару и никто не гонит его палками на мостовую; там нет ни одного лорда и все их дворцы открыты, их двери распахнуты настежь; там правда, живется еще далеко не сладко, но...

Поддавшись вперед, Андре внимательно слушал и хмель из головы вылетел. Мак был простой моряк-негр, и не было повода не верить ему. А рассказывал он такое, что сжимались кулаки и из глаза, как искра, выжималась слеза. Засыпанная угольной пылью мысль Андре пробивалась сверкающим родником.

Ехать...

Из кабака он вышел поздно ночью, и думы заваливали его, как глыбы. Грубые деревянные башмаки гулко стучали по плитам мостовой. Этой ночью он задумался над своей жизнью в первый раз.

Наваться на корабль не было никакой надежды.

Андре пошел на один из транспортов. Дежуривший у входного трапа здоровенный парень в клетчатом кепи не захотел даже выслушать черного и, наградив его парой пижков, проводил на берег.

Кочегар не упывал.

Подтянув потуже пояс, полез на другой корабль. Работы и тут не дали, но, проходя по палубе, он заглянул в открытый люк: запас угля был незначителен. Значит, корабль не уйдет ни в какое плавание, пока не сделает полной загрузки „чернослива“.

Андре уселся в той части порта, где на мертвых якорях стояла угольная баржа, и терпеливо стал ждать.

Ждать пришлось до позднего вечера, когда корабль подтянулся к барже. Всегда в случаях спешной загрузки большого количества угля на барже своих людей не хватало, и приходилось прихватывать с берега из безработных, в каковых недостатка не было. И на этот раз на берегу было нанято двадцать человек. Среди них был и Андре.

Работа была нехитрая. Три десятка молотков, вооруженных железными лопатами, быстро насыпали углем чугунные кадки. Лебедка, как котенка, подхватывала кядку, несла ее через всю палубу и опрокидывала в люк. Работали на две лебедки.

Андре перебросился парой слов с рядом работавшими товарищами, те утвердительно кивнули и, выбрав удобную минуту, когда надсмотрщик ушел в другой конец, Андре прыгнул в кядку. В момент дюжина лопат засыпала его с головой. Затарахтела лебедка, кядка поднялась в воздух, стукнулась о край люка и опрокинулась; вместе с углем Андре полетел в угольную яму.

Ночью по работе машины и по качке нетрудно было догадаться, что транспорт вышел в открытое море.

... Нагруженные воем и холодом, гротом и угаром бегут года, как корабли, сорванные с золотых якорей Расшитые пенным узором вечерние моря заглывают солнце, подобное яблоку налитому огнем, и по утрам, ломая зори, солнце взлетает над дымчатыми морями, как козырной туз.

Артем Веселый.